

ный своим делом, и в тоже время он удивительно пассивен в борьбе за свой проект. Читатель мало видит его в деле, в рабочей обстановке. Отсюда и некоторая декларативность его положительных качеств как личности творческой, талантливей.

Некоторым довольно интересно задуманным образам нехватало авторского внимания, умения гибко проникнуть в их внутренний мир. Таковы комсомольский вожак Виктор Самохвалов, молодые специалисты Туганов, Гольцев. Их поступки не всегда мотивированы, и образы эти в повести выглядят несколько схематичными.

В то же время такому второстепенному персонажу, как Танцора, человеку без определенных занятий, уделено неоправданно много места и авторского внимания.

Лучше писательнице удалось женские образы. Хотя и тут известное чувство неудовлетворения оставляет, например, образ Маша Большаковой. Энергичный, волевой бригадир строителей, она, выйдя замуж, отходит от дел и становится рьяной домохозяйкой. Подобная метаморфоза слабо мотивирована. Ведь читателя интересует не только то, каким человек стал, но и почему он таким стал? Вот это «почему» не всегда удается автору повести. В конце повествования Маша вновь возвращается на строительство, но читательский интерес к ней уже утерян, и интересно задуманный образ стал по сути дела фигурой эпизодической.

И все же читательский интерес к повести Ольги Гуссаковской несомненен. Книга чрезвычайно быстро исчезла с полок книжных магазинов, о ней говорят, спорят.

Новая повесть Ольги Гуссаковской заслуживает того, чтобы рекомендовать ее широкому кругу читателей.

С. НИКОЛАЕВА

БЫТЬ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕМ

Хорошо или плохо, если поэт в своей первой книге является нам совершенно сложившимся, зрелым. Где-то там, «за кадром», вне поля зрения, остались и первые опыты, и разочарования, и наивность, и юношеская задиристость. Нам представлен не поиск, но результат его, не путь, но: с чем пришел. Хорошо это или плохо?

«Ладони». Так назвал свою первую книгу Игорь Еремин. Книга представляет нам человека с твердо сложившимся взглядом на мир; круг его тем и интересов резко

очерчен, пристрастия определены, и особых неожиданностей, в этом смысле, ждать не приходится.

Деревня перед самой войной, деревня в войну, деревня трудных послевоенных лет. Это — адрес детства, истоки, начало судьбы и песни.

Еремин не страшится писать трагическое во весь рост: «На судьбах — крест, на странах — крест, вся жизнь кругом крест-накрест». Но из сегодняшней дали видней многое: заканчивается стихотворение нотой торжества над врагом. Победили советский народ, наши люди, наша страна:

И знать, недаром так густы
Леса под русским солнцем.
Хватило вдосталь на кресты
Осины крестоясным.

Автор, не скупясь, отдает страницы книги стихам о военном детстве, о временах, когда

...казалось, будто с первых же шагов
Весна своей властью утверждала,
Что вместе с бурным таяньем снегов
Картошке с хлебом таять надлежало...

Он показывает голод и холод, разруху, принесенные войной в деревню. Но вместе с тем и молчаливое мужество, и сплоченность всем миром — перед лицом беды, и то, как умела колхозная деревня ценить выпадавшие в ту пору людям крохи тепла, радости.

Память все сохранила нетронутым: разговоры и события, картины, запахи. И вот, через десятилетия, поэт неспешно ведет эту хронику военных лет, ведет по дороге, то снежной, то заросшей польнойю, то залитой дождем. Вьется дорога через года — деревенский проселок, отмеченный веками самой историей. Дни, когда мы отступали. Первые победы. Сталинград. Возвращение фронтовика с пустым рукавом. Ребята играют в войну в послевоенную трудную зиму...

Эти стихи не воспринимаешь просто как дань воспоминаниям. Увиденное в детстве для Еремина стало мерилем жизненных, нравственных ценностей. Без этих страниц его книги по-настоящему не разберешься и в последующих. В тех, где с извечным уважением трудового человека говорится о хлебе:

...Я кусаю теплый бок горбушки.
Я ведь потому и рос, и креп,
Что хорош и с молоком из кружки,
И с водою вкусен черный хлеб.
Я и нынче, попривыкший к сдобам,
От него за то не отрекусь,
Что не хлебоедом — хлеборобом
Постигал и суть его, и вкус.

¹ Еремин И. Ладони. Стихи. Хабаровск, Кн. изд., 1972. 96 с. Тираж 5000 экз. Цена 31 коп.

«Какое бы чудо не свершалось, я хлеб, как дар, держу в руках», — пишет на другой странице Еремин.

Знаменательно, что в стихотворении «Ходоки» поэт стремится передать величие и человечность В. И. Ленина через восприятие крестьян, возможно, тогдашних жителей его ли родной, соседней ли деревни:

...Сложив мешки и палки в уголок,
Они на дверь косились, беспокоясь:
А ну, как встанет Ленин на порог.
Не прозевать бы, поклониться в пояс.
И кланялись, не поднимая век.
И маялись, что вышло против правил:
Картавый непонятный человек
За плечи брал, с собою ровень ставил.
...Он простотою больше поражал,
Чем напускным величием поражают.
И в этом никому не подражал,
Как сам себе народ не подражает.

Слово «народ», нужно сказать, у Еремина ни разу не употреблено втуне, для пушией важности или пышности слога. Нет, оно обладает здесь глубиной и емкостью понятия; перед нами пристрастное поэтическое исследование корней народной жизни. Чередуя проходят перед читателем представители сельских профессий и ремесел: печник и стекольник, пастух, плотник, тракторист. И, заметим: весь этот ряд стихов зачинает как важнейшее стихотворение — «Россиянки»; поэт отдает дань уважения и любви русской женщине. И здесь по-особому прав поэт, в этом тоже проявляется его близость к истокам народной жизни, морали.

В стихах Игоря Еремина, однако, и в помине нет стремления противопоставить некую исконную, патриархальную деревню сегодняшнему дню. В стихах о давнем, до-революционном прошлом он пишет: «...в горе, беде и обиде Россия умела предвидеть: ракеты чертила в уме».

...Так, всю жизнь, как эстафету,
Опыт предков переживая,
Человек идет по свету
К свету завтрашнего дня...

Герой Еремина влюблен в землю, в свой труд, сметлив и смел:

Прикажи ему приказом —
Не замкнется в том кругу.
Он грядущему обязан,
Он у прошлого в долгу...

Стихи Игоря Еремина подкупают верой в жизнь, ее красотой и осмысленностью. Все это далеко от того бездумного оптимизма, о котором хорошо сказано в стихах Еремина:

...Вот у меня сосед — из ряда
Умеющих предусмотреть.
Он знает все, какие надо
Переживания иметь.
Войдет и выпалит без скидок,
Что там, где радостная жизнь,
И мысль о смерти — пережиток,
И грусть — позорный пессимизм.

Он будет говорить весь вечер,
Пока его не кинет в сон...
Ему легко. А я не вечен,
Мне думать надо обо всем.

Стихи Игоря Еремина ладно скроены, при кажущейся простоте и традиционности они выдают и достаточную профессиональную искусственность, и поиск наиболее емких выразительных средств. Встреча читателей с этим поэтом назрела — и хорошо, что она состоялась. Больше того, читающего сборник не оставляет мысль, что встреча эта могла бы состояться и раньше. Говорят, даже хорошие вина, вопреки легенде следует выдерживать не беспредельно. Что же касается хороших стихов, то чем раньше они находят людей, к которым обращены, тем лучше. Пусть первая поэтическая книжка будет неровной, пусть выдятся в ней черты ученчества — она открывает поэту путь виришь и вглубь, первоначальные накопления выложены, можно идти дальше. Так в разговоре со старым товарищем уже не приходится тратить время на то, чтобы представиться или поведать факты из своей биографии, а можно с ходу говорить о том важном и новом, что прибавилось к уже известному ему раньше.

Читая иные стихи Игоря Еремина, начинаешь вдруг ловить себя на мысли, что где-то слышал или читал нечто близкое. Сверстники его, поэты, чье детство тоже было связано с деревней военных лет, успели сказать в книгах, в коллективных сборниках, на страницах журналов об этом времени. Еремин никого не повторяет, и все же его стихи порой напоминают картины, события, образы, уже вошедшие в читательский обиход. Появись те же вещи несколькими годами раньше, тогда, когда они были написаны — такого впечатления не возникло бы.

Книга «Ладони» за немногими исключениями — ровная, добротная. Она представляется итогом долгих и плодотворных поисков. Но пусть финиш уже преодоленного пути станет для поэта и стартом нового. Поэт не может не быть первооткрывателем. И вот открытия новых горизонтов, неуспокоенности и удивления перед многообразной нашей действительностью хочется пожелать Игорю Еремину. Чтобы сказать о нем его же стихами:

...Ну, кто бы знал, какой огонь
Мог наконец-то в нем родиться!
Он просто ждал, а был он птицей.
Зажатой до поры в ладонь.
И пробует он силу крыл.
Пусть не лететь к другой планете,
И пусть не выше всех на свете,
Но выше, чем он прежде был.

Р. ДОБРОВЕНСКИЙ

